

Автор перевода: Деаргон

Stephen King, Owen King

Sleeping Beauties

Глава 1

1

Ри спросила у Джанет, наблюдала ли она когда-нибудь за квадратиком света из окна. Джанет ответила отрицательно. Ри занимала верхнюю койку, а Джанет расположилась на нижней. Обе ждали открытия дверей камеры к завтраку. Как обычно по утрам.

Казалось, что сокамерница Джанет посвятила квадратик света отдельное исследование. Ри определила, что квадратик появляется на стене напротив окна, ползет ниже и ниже, затем перетекает по краешку нар и, наконец, оказывается на полу. Теперь Джанет могла его видеть прямо посередине пола, яркий как обычно.

- Ри - сказала Джанет. - Мне просто до фени этот квадратик света.

- А я говорю, что он не может быть тебе до фени! - Ри издала стон, которым она выражала удовольствие.

Джанет ответила. - Ну и ладно. Что бы, на хрен, это ни было, - а ее соседка по камере застонала снова.

Ри была нормальной, хотя и напоминала ребенка, у которого тишина вызывает беспокойство. Она мотала срок за мошенничество при оформлении кредита, подделку документов и хранение наркотических веществ с целью продажи. Ни в одном из этих дел она ни снискала успеха, что и привело ее в тюрьму.

Джанет отсиживала за убийство. Зимней ночью 2005-го она всадила шуруповерт в пах своему мужу Дэмьену, а поскольку он был под кайфом, то просто истек кровью, сидя в кресле. Разумеется, она тоже была под кайфом.

- Я следила за временем - поведала Ри. - Засекала. Двадцать две минуты, чтобы свет переключался от окна до пола.

- Пора звать ребят из Книги рекордов Гиннеса, - прокомментировала Джанет.

- Ночью мне снилось, будто я трескаю шоколадный кексик с Мишель Обамой и она мне выстреливает: «Из-за этого ты разжиреешь, Ри!». А сама жует такой же кексик. - Ри застонала: - Неа. Взаправду такого не было. А вот, что было. Мне снилась учительница из моей школы. Она мне без остановки талдычит, что я зашла не в тот класс, а я ей вбиваю, что зашла в тот самый класс. Она сдаётся и говорит: «окей», проводит часть урока и сообщает мне, что я не в том классе, а я ей: «Неа, в том классе», и мы продолжаем по кругу. Это изводило крепко. А что снилось тебе, Джанет?

- Хм... - Джанет попыталась вспомнить, но не могла. Ее новое лечение будто затуманивало сны. Ранее, иногда, ей снились кошмары с Дэмьеном. Частенько в том виде, какой был у него наутро после смерти, с синими, будто от свежих чернил, полосами на теле.

Джанет спросила доктора Норкросса, о его мнении насчет того, что такие сны обусловлены чувством вины. Док поглядел ты-к-хренам-собачьим-это-серьезно взглядом, которым выводил ее из себя, но она сумела взять себя в руки, и тогда он спросил, могут ли кролики шевелить ушами. Да, вот так. Все понятно. Как бы там ни было, Джанет совсем не скучала по этим снам.

Прости, Ри. Ничего. Чтобы мне ни снилось, пропало без следа.

Где-то на втором этаже коридора в крыле Б, по бетонному полу топали ботинки: надзиратель проводил последнюю проверку перед открытием дверей камер. Джанет закрыла глаза. К ней пришло видение. Тюрьма в развалинах. Могучие лозы оплетали одряхлевшие стены камер, овеиваемые весенним бризом.

Половины потолка, сжеванного временем, не было, остался лишь выступ. Несколько крохотных ящерок метались по груде ржавых обломков. Бабочки порхали в воздухе. Запахи земли и листьев щедро окутывали то, что осталось от камер. Бобби, под впечатлением, стояла рядом, у дыры в стене, и вглядывалась внутрь. Ее мама была археологом. Она исследовала это место.

- Как думаешь, можно ли с судимостью участвовать в викторинах?

Видение рассыпалось. Джанет застонала. В нем было так хорошо. На таблетках жизнь определенно лучше. Спокойное и легкое местечко, в котором она могла побыть. Надо отдать доку должное - лучше смотреть на мир через призму лекарств. Джанет снова открыла глаза.

Ри пялилась на нее. О тюрме особо рассказывать нечего, но таким девушкам, как Ри, пожалуй, безопасней оставаться внутри. Снаружи ей наверняка не останется выбора, кроме как плыть по течению. Или толкать дурь нарикам, которые выглядят не иначе как нарики. Чем она и занималась.

- Что случилось? - спросила Ри.

- Ничего. Я просто было была в райских кущах, а твой ротяка их сдул.

- Чего?

- Неважно. Слушай, я думаю, должна быть викторина, где можно играть только людям с судимостью. Назовем её «Обманывай и побеждай».

- Мне нравится! И что надо делать?

Джанет села и зевнула, пожав плечами. - Надо подумать. Знаешь ли, разработать правила.

Их пристанище всегда было таким и останется таким навеки, мирок без конца, аминь. Камера длиной в десять шагов, в четыре шага от нар до двери. Бетонные стены гладкие, цвета овсянки. Скукоженные фотографии и открытки крепились (будто многим до этого было дело) капельками зеленых мягких кнопок на дозволенном месте. Это маленькая

металлическая пластина на одной стене и короткий металлический стеллаж на противоположной. Слева от двери установлен стальной унитаз, и когда одна из сокамерниц обсиживала его, обе смотрели в разные стороны, создавая жалкую пародию на уединение. Дверь камеры, с окошком из двойного стекла на уровне глаз, открывала вид на короткий коридор, идущий через крыло Б. Каждый дюйм и предмет в камере были приправлены присущими тюрьме ароматами: пота, плесени, лизола.

Против своей воли Джанет наконец обратила внимание на солнечный квадрат между их койками. Он был почти у двери, но выйти за нее все равно не смог бы, разве не так? До тех пор, пока тюремщик не вставит ключ в замок или не откроет камеру из Кабины, солнце здесь заперто подобно им самим.

- А кто будет ведущим? - поинтересовалась Ри. - Каждой викторине нужен ведущий. А еще, что с призами? Они должны быть достойными! Мелочи! Надо проработать все до мелочей, Джанет.

Ри подняла голову и глядя на Джанет стала наматывать на палец выцветший завиток локона. На верхушке лба Ри виднелся рубец, походивший на эмблему производителя грилей - три глубокие параллельные линии. И пусть Джанет не знала наверняка, что именно стало причиной шрама, она догадывалась, кто его нанес: мужчина.

Может, отец, или брат, возможно, бойфренд, а то и парень, которого она увидела в первый и последний раз. У заключенных Исправительной колонии округа Дулинг, мягко говоря, мало историй посвящены жизненным успехам. Большинство связано с плохими парнями.

А что поделать? Можно жалеть себя. Можно ненавидеть себя или всех вокруг. А можно глотнуть мощного средства. Можно делать, что угодно (в строго установленных рамках), но положение не изменить. Возможность крутануть большое и сияющее Колесо Удачи выпадет не раньше следующего заседания комиссии по условно-досрочному освобождению. И Джанет собиралась поставить все на эту возможность. У нее был сын, о котором следовало позаботиться. Громкий щелчок

- надзиратель из Кабины открыл 62 замка. На часах 6:30 утра, все выходят из камер на перекличку.

- Даже не знаю, Ри. Подумай сама насчет этого. - ответила Джанет, - я тоже подумаю, а позже обменяемся мыслями. - Она спустила ноги с кровати и встала.

2

В нескольких милях от тюрьмы, Антон, чистильщик бассейнов, собирал мертвых жучков с крышки бассейна у дома Норкроссов. Бассейн был подарком доктора Клинтона Норкросса жене Лайле на десятилетие свадьбы. Глядя на Антона Клинт все чаще сомневался в разумности подарка. Это утро было одним из таких моментов.

Антон снял рубашку, и для этого было два веских повода. Во-первых - прогноз обещал жаркий денек. Во-вторых, его пресс был словно высечен из камня. Чистильщик бассейнов Антон был мускулистым, выглядел точно самец с обложки романтической книжки. Тому, кто выпустил бы пару пуль в область его живота, следовало делать это сбоку, чтобы не попасть под рикошет. Чем он питается? Горами чистого протеина? Как тренируется? Вычищает Авгиевы конюшни?

Антон поднял глаза, улыбнулся из-под отблескивающих стекол Вэйфаерсов. Свободной рукой помахал Клинту, который наблюдал из окна большой ванной комнаты второго этажа.

- Боже мой, парень, - прошептал себе Клинт. И помахал в ответ. - Имей совесть.

Клинт отошел от окна. В зеркале на двери ванной он увидел сорокавосемилетнего белого мужчину, получившего степень бакалавра в Корнуэлле, а докторскую - в Нью-Йорке, неприхотливого любителя больших мокко из Старбакса. Его черная с проседью борода больше шла к лицу одноногому морскому капитану из прослойки люмпенов, чем мужественному лесорубу.

Возраст и дряхлеющее тело приходят внезапно, подумал Клинт с иронией. Он никогда особо не мирился с мужским эго, особенно в его присущей среднему возрасту разновидности, но благодаря профессии вынужденно впитывал его, из-за чего собственный запал все иссякал. То, что Клинт считал великим поворотным моментом в своей медицинской карьере, произошло 18 лет назад, в 99-м, когда к молодому доктору заглянул потенциальный пациент Пол Монпелье с «кризисом сексуальных устремлений».

Клинт спросил Монпелье: – Когда вы говорите «сексуальное устремление», что подразумеваете под этим?

Себялюбивые люди подбирают громкие слоганы. На деле же нельзя стать вице-президентом по сексу. Это был своеобразный эвфемизм.

– Я имею в виду... – Монпелье пытался подобрать нужные слова. Он прокашлялся и остановился на таких: – Я все еще хочу этого. Я по-прежнему ищу этого.

Клинт отметил, – Это не похоже на необычные устремления. Кажется, нормальным.

Только выпустившийся из психиатрической ординатуры, еще недостаточно тактичный, Клинт был лишь второй день на работе, а Монпелье стал его вторым пациентом. (Первым оказалась девушка-подросток, беспокоившаяся об успешности поступления в колледж. Как выяснилось, проблема была в том, что девушка набрала 1570 баллов на Академическом оценочном тесте. Клинт объяснил, что это отличный результат и необходимости в лечении или еще одном визите к нему нет. Исцелена! Он перелистнул желтую страничку в конец блокнота для заметок).

Напротив Клинта, в кресле из кожзаменителя, сидел Пол Монпелье в белой жилетке и плиссированных штанах. Он сидел в раздумьях, положив лодыжку на колено, а когда заговорил, сопровождал слова взмахами руки. Клинт увидел, как тот паркует ярко-красный спортивный автомобиль как можно дальше от этого неказистого офисного здания. Работа в высшем звене пищевой цепочки угольной промышленности дала ему возможность купить такую машину, хотя его вытянутое, избитое тяготами, лицо напомнило Клинту

братьев Гавс, которые изводили Скруджа Макдака в старых мультиках.

- Моя жена говорит не часто, но так, знаете ли, донося самую суть. Кхм, подтекст. Она хочет, чтобы я покончил с этим. Покончил с моими сексуальными устремлениями. - Он вздернул подбородок.

Клинт последовал его примеру. Увидел крутящийся вентилятор на потолке. Если Монпелье направит свои сексуальные устремления туда, то лишится их вовсе.

- Вернемся к нашей беседе, Пол. Как это впервые встало между вами и вашей женой? Где это произошло?

- У меня приключилась интрижка. Мимолетное дело. А Рода, моя жена, выгнала меня вон! Я объяснял, что причина не в ней, а в моей потребности, понимаете? У мужчин есть потребности, которые женщинам не понять. - Монпелье сделал круговое движение головой. И с огорчением просипел. - Я не хочу развода! Частица меня понимает, что она - та самая, кто сможет справиться с этим. Со мной.

Печаль и отчаяние мужчины были неподдельны, и Клинт смог представить боль, пришедшую с внезапной переменой - жить на чемоданах, жевать водянистые омлеты в закускойной. Его положение не тянуло на клиническую депрессию, но определенно было показательным и заслуживало уважения и поощрения, даже с учетом того, что он сам загнал себя в угол.

Монпелье перегнулся через свой растущий животик. - Будем откровенны. Скоро мне стукнет полтинник, доктор Норкросс. Мои лучшие дни в мире секса сочтены. И я отдал их жене. Сдал их ей. Я менял памперсы. Ездил на все игры и соревнования, основал фонды в колледжах. Я заполнил каждую графу брачной анкеты. Так почему же нам не удастся прийти к какому-то согласию? Почему все так ужасающе и разрозненно.

Клинт не отвечал, просто ждал.

На той неделе я был у Миранды. У женщины, с которой переспал. Мы занимались этим в кухне. И в ее спальне. А в душевой чуть не дошло до третьего раза. Я был чертовски

счастлив! Эндорфины били через край! А потом я отправился домой, был отличный ужин в кругу семьи, игра в Скрабл, и все чувствовали себя великолепно! В чем проблема? Думаю, что она притянута за уши. Почему я не могу позволить себе немного свободы? Неужели я многого прошу? Разве это так возмутительно?

Несколько мгновений оба молчали. Монпелье оценивающе глядел на Клинта. Подходящие слова закружились и, подобно головастикам, шмыгнули в разум Клинта. Подобрать их было несложно, но он сдержался. За спиной Пола, прислоненной к стене, стояла в рамке картина Хокни, которую Лайла дала Клинту, чтобы «придать тепла этому месту». Он собирался повесить ее сегодня чуть позже. Рядом с картиной стояли полураспакованные коробки с психиатрическими тестами. Кто-то должен помочь этому человеку, и юный доктор решил, что для этого подойдет удобная, тихая комната вроде этой. Но был ли доктор Клинтон Р. Норкросс тем, кто сможет помочь?

В конце концов, он усердно трудился, чтобы стать доктором, и не существовал фонд колледжа, который бы обеспечил будущее Клинта. Он вырос в тяжелых обстоятельствах и уплатил свою цену, иногда большим, чем деньги. Чтобы пройти через такое, ему приходилось совершать дела, о которых он никогда не говорил жене и никогда не расскажет. Ради чего это все было? Чтобы лечить сексуально устремленного Пола Монпелье?

Умилительно извиняющаяся гримаса появилась на крупном лице Монпелье. – О, боже. Вот так дела. Я поступил неправильно, да?

– Вы поступили верно, – сказал Клинт и за следующие полчаса он напрочь отбросил все сомнения в этом. Они рассмотрели проблему со всех ракурсов. Обсудили разницу между желанием и потребностью. Поговорили о миссис Монпелье и ее скучных (по мнению Пола) пожеланиях в постели. Они даже коснулись удивительного откровения о первом сексуальном опыте Пола, который мастурбировал при помощи челюстей чучела крокодила младшего брата.

Клинт, по долгу службы, спросил Монпелье, не думал ли он о том, что вредит сам себе. (Нет.) Задал вопрос, что бы почувствовал Пол, если бы они с супругой обменялись ролями? (Он утверждал, что сказал бы ей делать то, что она захочет.) Каким Монпелье видит свое будущее через пять лет? (Тогда мужчина в белой жилетке начал всхлипывать.)

В конце этого сеанса Монпелье сказал, что с нетерпением ждет следующего, а как только он ушел, Клинт позвонил в свою службу поддержки. Дал указание перенаправлять все звонки психиатру в Мэйлок, соседний городок. Оператор поинтересовался, на какое время.

- До пор, пока не фурий не заметет снегом в Аду, - ответил Клинт. Из окна он наблюдал, как Монпелье возвращается к своей ярко-красной спортивной машине и выруливает на ней, чтобы никогда больше не вернуться. Затем он позвонил Лайле.

- Привет, доктор Норкросс. - ее голос дал ему то чувство, о котором люди подразумевают, или должны подразумевать, когда говорят, что их сердца поют в унисон. Она спросила, как прошел его второй рабочий день.

- Самый неосознательный человек в Америке зашел в гости, - ответил он.

- Ух, ты! Мой папаша заходил? Бьюсь об заклад, что картина Хокни его вогнала в краску.

В постели его жена была смышленной настолько же, насколько и пылкой, и выносливой ровно настолько, как и смышленной. Лайла любила его, но никогда не упускала случая подколоть его самооценку. И Клинт понимал, что нуждается в этом. Как и большинство мужчин.

- Ха, - сказал Клинт. - Ты упоминала о тюрьме. От кого ты об этом услышала?

Мгновение или два стояла тишина, пока его жена обдумывала смысловой посыл вопроса. И ответила на него своим вопросом: - Клинт, ты хочешь мне что-то сказать?

**Конкурс на лучший перевод фрагмента первой главы романа Стивена и Оуэна
Кингов *Sleeping Beauties***

Организаторы: сайт "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru>) и
Виктор Вебер

КЛИНТ И МЫСЛИ НЕ МОГ ДОПУСТИТЬ, ЧТО ОНА БУДЕТ
РАЗОЧАРОВАНА ЕГО РЕШЕНИЕМ СМЕНИТЬ ЧАСТНУЮ ПРАКТИКУ НА
ГОСУДАРСТВЕННУЮ. ОН БЫЛ УВЕРЕН В НЕЙ.

Слава Богу за Лайлу.

© Перевод Деаргон, 2017